

Верни
мне мой
2007-й

Серг
Брусов

Серж Брусов

Верни мне мой 2007-й

«Accent Graphics communications»

2014

Брусов С.

Верни мне мой 2007-й / С. Брусов — «Accent Graphics communications», 2014

«Верни мне мой 2007-й» – повесть-дневник, повесть-размышление главного героя о юности, стремлениях и любви в эпоху наиболее яркого расцвета молодежных субкультур. Девушка с необычными способностями, эксцентричные и эпатажные эмо, мистика, вплетенная в реальную жизнь, а также все, чем запомнилась автору вторая половина 2000-х. Взгляд назад и попытка переосмыслить время, так незаметно и так безвозвратно растворившееся и перетекшее в современность. Время, по-настоящему прочувствовавшими которое оказались только те, кому тогда было около двадцати. Конечно же, я должен сказать о том, что все, упомянутые в этом произведении события и люди – выдуманы. Любые совпадения – случайны. Ничто из описанного в дальнейшем никогда не происходило в реальной жизни, и ни одного человека из тех, о ком вы здесь прочтете, никогда не существовало в нашем мире. Все это – лишь плод моего воображения, принявший текстовую форму. Теперь к делу.

© Брусов С., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Предисловие	6
1. Смена эпох	8
2. Пенелопа Крус в супермаркете	10
3. В общаге	16
4. На Пушки	18
5. Бизнес	21
6. Международные отношения	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Серж Брусов

Верни мне мой 2007-й

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Все это правда.

Все, о чем я написал в этой повести, в действительности произошло со мной в уже таком далеком 2007-ом году. Строго говоря, и написал-то я большую часть текста именно тогда. Была у меня привычка вести своеобразный дневник в художественной форме. Каждый день я делал пометки в блокноте (по-старинке – ручкой на бумаге), небольшие записи о том, что произошло интересного, кого встретил, о чем говорил. Раз в месяц я собирал эти заметки и пытался переработать и привести их в более-менее литературный вид. Затем получившийся результат выкладывал на LiveJournal. Читателей у меня там было – всего ничего, и зачем я все это делал – бог его знает. Скорее всего, для себя, исключительно с целью перечитать в будущем, посмеяться или, что тоже вероятно, пустить скупую мужскую слезу по временам ушедшей молодости.

Так сложилось, что первый пост «художественного дневника» был написан в январе, а последний – в декабре 2007-го, т. е. весь дневник велся на протяжении только этого года.

Отступление – сразу насчет слов наподобие вышеупомянутого «поста». Вынужден просить прощения за многочисленные англицизмы и идиоматические выражения, присущие молодежному сленгу середины-конца 2000-х – давайте считать это данью времени и средством более глубокого погружения в атмосферу повести.

Уже не помню, по какой причине я бросил делать записи, но так случилось – теперь это следует просто принять как факт, так как до причин уже не докопаться. Так или иначе, после того как 2007-ой был практически досконально задокументирован, «Живой Журнал» был мной забыт, а литературные эксперименты временно отложены на неопределенный срок. Который, впрочем, уже истек: примерно два месяца назад мне приснилось, как я пишу пост в ЖЖ. Это была одна из тех самых «художественных записей». Я проснулся, включил ноутбук, зашел на LiveJournal и очень долго вспоминал и пробовал подобрать различные комбинации из логина и пароля. Через два с половиной часа дневник был вновь открыт. Спустя без малого десяток лет после написания последнего поста.

Я немного упорядочил структуру повествования. Кроме того, какие-то фрагменты были дописаны, частично переписаны или вообще написаны впервые. Такие комментарии добавлены специально, чтобы прояснить некоторые детали, а также обратить внимание на ключевые особенности того времени. В остальном привожу всю историю, изложенную в форме художественного дневника, практически без изменений.

Здесь нет выводов, нравоучений или скрытой морали, только описание событий, участником которых мне довелось стать, и кое-какие мысли по этому поводу. Также прошу прощения за явную «колючесть» некоторых отрывков – это было сделано намеренно, с целью оставить как можно больше текста «как есть», напрямую оттуда – нетронутым сквозь года. Больше жизни, меньше глянца.

P.S. Музыкальные композиции, упомянутые в подзаголовке каждой главы по традиции интернет-дневников, отражают настроение и эмоциональный окрас соответствующей части произведения. К прослушиванию при прочтении, конечно, не обязательны, но на нужный лад настраивают быстрее и точнее, проверено.

Позволю себе пару слов о том, как я бы советовал употреблять этот «коктейль». Лично меня музыка непосредственно во время погружения в текст здорово отвлекает, не позволяя толком сконцентрироваться ни на первом, ни на втором. К тому же, такой микс практически полностью глушит ощущения от каждого жанра в отдельности, смешивая и изменяя их до неузнаваемости – словно ешь ледяной гаспаччо, закусывая горячим стейком. Поэтому я бы

рекомендовал эти песни в качестве аперитива, ну или холодной закуски – кому, что больше нравится, перед основным блюдом. Сначала – музыка, затем – текст.

Приятного возвращения.

1. Смена эпох

Я могу вам сказать только одно: никто никогда не вернется в 2007-ой год.

(Д. А. Медведев, 3-й президент Российской Федерации)

Опубликовано: на этой неделе

Играет: My Chemical Romance "The Kids From Yesterday"

Откуда у этих подростков ностальгия по тому времени? Многие из них тогда были учениками начальной школы, а некоторые – так и вовсе ходили в детский сад. Это слепое поклонение эпохе, которую не застал – что это? Сродни ли данное явление теплым воспоминаниям родителей по толпам (в СССР не особо многочисленным) жизнерадостных хиппи с вплетенными в волосы цветами? Обретет ли 2007-ой со временем столь же культовый статус как «Лето Любви» 1967 года?

Такие мысли проносились у меня в голове, пока я сидел за столиком на втором этаже одного из московских клубов и наблюдал за компанией молодых людей и девчонок, прыгающих на танцполе под жесткие гитарные запылы.

Фестиваль назывался «We take it back» и объединил под своей крышей десяток групп, популярных в середине двухтысячных. Тогда каждая из этих команд могла собрать аудиторию слушателей, в два раза превышающую ту, что сегодня пришла на общий концерт. Музыканты, серьезно повзрослевшие, а некоторые – и изрядно раздобревшие в размерах, весьма правдоподобно изображали былой запал и заряд эмоций. Подростки, подражающие внешней стилистике ныне вышедших из моды молодежных субкультур, качали головами в такт музыке, болтали между собой, а кто-то даже подпевал, на ходу вспоминая слова песен.

«Ну, надо же, все прямо как тогда», – удивлялся я.

В этот вечер я взял билет в VIP-сектор и выбрал место с лучшим обзором – людей за столиками было от силы человек пять. Я заказал джин с лимонным тоником и теплый салат с уткой.

Пару дней назад мне позвонил давний знакомый, которого за несколько лет до этого я спокойно называл другом. Никакого конфликта, положившего конец дружбе, между нами, конечно, не произошло, просто со временем мы как-то сами собой непроизвольно дистанцировались друг от друга.

Так иногда случается – открываешь список «друзей» в соцсети, листаешь в самый низ и видишь людей, которые почему-то исчезли из твоей жизни, но при этом вроде бы остались «на расстоянии вытянутой руки». Вытянутой ровно настолько, чтобы пальцы достали до клавиатуры, и была возможность набрать сообщение. Но ты этого почему-то не делаешь, закрываешь список, забываешь обо всей этой несурянице и живешь себе дальше. Этот друг, видимо, был из тех, кто, вспомнив о давно минувших днях тусовок и гулянок и увидев мое имя, решился не просто на электронное письмо, но на «живой» контакт.

– Давай, что ли, пересечемся? – предложил он мне. – Завтра фест классный, посидим, послушаем музю, поговорим.

– А давай, – недолго думая, согласился я.

Не виделись мы лет пять или больше. Мне пришлось изрядно напрячь память, прежде чем я вспомнил, что никогда не знал его настоящего имени, только прозвище – Грин, под которым он всегда представлялся и регистрировался в интернете.

Социальные сети позволили чувствовать себя ближе друг к другу и сегодня мы не представляем жизни без них. А ведь именно тогда, в 2007-ом произошел настоящий цифровой взрыв, и общение ушло в онлайн, но сегодня мало кто об этом помнит. Как и о том, что именно тогда же Apple представили свой первый Iphone, перевернувший представление о мобильном телефоне, что в России начался потребительский бум, особенно на домашнюю электронику – игровые консоли и плоские телевизоры переживали пики продаж, а в мире литературном подошла к концу самая раскупаемая эпопея последних лет – вышла финальная книга о Гарри Поттере.

Интересно, когда вообще начинается осознание того, что совсем еще недавнее настоящее уже стало прошлым? В какой момент люди понимают, что эпоха сменилась, и начинают скучать по ее ушедшим атрибутам, неважно, в положительном или отрицательном ключе. А часто (хотя, наверное, почти всегда) происходит так, что плохие моменты отходят на второй план, оставляя после себя только «галочки» в памяти, и уступают место хорошим. Один из таких примеров массового переосмысления эпохи случился как раз в 2007-ом. Множество людей, в основном, конечно, в возрасте 30–35 лет, но были среди них особы и помладше, и постарше, ударились в ностальгию по 90-м. «Авторадио», известное своими «Дискоотеками 80-х», организовало новый фестиваль, главным объектом поклонения которого стало последнее десятилетие двадцатого века, а в интернете с определенной регулярностью появлялся один и тот же пост, напоминавший о жевательной резинке «Boomer» и докторе Пеппере. Последний, к слову, вновь материализовался на полках магазинов, и хочется верить, что кому-то в этом мире вернули его 97-ой.

Я не испытывал какой-то особенной ностальгии по 2007-му году, хотя, наверное, должен был, учитывая, что тогда я «крутился» непосредственно «в тусовке». Точнее, мне, конечно, было приятно вспомнить те времена, послушать музыку, которой тогда увлекался, посмотреть фотографии с концертов и «вписок»... Но во всем этом не было никакой привязки к конкретному году. 2007-ой для меня выделялся по гораздо более личным причинам, в которых я и пытался разобраться всю неделю, с того самого момента, когда продолжил вести потерянный дневник и перечитал старые записи.

Грин задерживался. Я решил достать планшет и поубивать время, «полиставая» свой «живой журнал».

Перечитав несколько строк самой первой записи, я отметил очередное странное совпадение. Их уже было предостаточно: популяризация 2007-го года, открытие пролежавшего в забвении аккаунта LiveJournal, звонок старого знакомого из тех времен... всё сходилось в одной точке. Теперь обратила на себя внимание новая деталь.

Как оказалось, история брала свое начало именно отсюда. Череда событий, описанных в дневнике, стартовала здесь, в этом самом заведении.

2. Пенелопа Крус в супермаркете

Опубликовано: январь 2007

Отредактировано: на этой неделе

Играет: Оригами «Без Лишних Слов»

– А чё, вписка будет сёдня? – Антон всегда спрашивал об этом перед концертом. Он жил в Дмитрове, в полутора часах на электричке от Москвы. Чтобы успеть на последний поезд, нужно было уходить с нескольких финальных песен. Он тогда слишком фанател от «Jane Air», «Оригами» и других групп, выступавших в тот вечер, чтобы позволить себе подобное. Мы стояли посреди толпы на танцполе клуба «Точка», ожидая начала «Альтернативной ёлки» – фестиваля андеграундной музыки. Был самый разгар новогодних праздников, о чем напоминали небрежно развешанные по стенам гирлянды. Из пластиковых стаканчиков медленно тянулось чуть прохладное «Невское» – самое дешевое пиво в баре. Я ответил, сделав небольшой глоток:

– Не знаю, вроде там чего-то кто-то намутить обещался.

Мы пришли в компании нескольких приятелей – наших знакомых по тусам на «пушке». Они разбрелись по разным углам зала, и теперь найти того, кто именно был готов «вписать» у себя людей, представлялось проблемным. В клубе было жарко и накурено. Впрочем, как всегда, независимо от времени года или погоды снаружи. Вокруг сновали подростки с длинными волосами, металлисты новой формации с дредами и пропирсингованными лицами, девушки с косыми челками и обильно накрашенными глазами. Какой-то явно разгоряченный алкоголем персонаж затянул глухим басом:

– Что я знал о джанкеееееее?

В ответ ему из центра толпы раздался выкрик:

– Джанк уже не модно, чувак! Пацаны эмо играют!

Народ одобрительно загудел – музыканты вышли на сцену. Встречали их так, словно это была не питерская группа клубного масштаба, а как минимум «Metallica» или «Linkin Park». Я оказался в самом центре танцпола, о чем сразу же пожалел, заметив первые движения зарождающегося слэма. Хотя порой мне нравилось агрессивно потолкаться под низкие гитарные рифы, сейчас был явно не тот момент, да и пива в руке оставалось больше, чем на полстакана. Внезапно (настолько, что я даже не успел понять, что случилось) в меня на полном ходу врезался не слишком трезвый молодой человек внушительных размеров, в результате чего рука рефлекторно дернулась вверх, расплескав «Невское» прямо над прыгающе-бегающе-толкающейся толпой. Вопреки моим ожиданиям мало кто обратил на это внимание, лишь пара человек недовольно оглянулась. Все-таки, публика на таких концертах знает, куда идет.

Я решил подняться на второй этаж и посмотреть на действо с балкона вип-ложи. Естественно, мой билет не позволял туда пройти, но пятьсот рублей в руке охранника снимали вопрос. Увидев свободное место (наверху народу тоже хватало), я оперся плечом на колонну и стал созерцать происходящее на танцполе. Парни и немногочисленные девушки, участвовавшие в слэме, энергично сталкивались и раскачивались в разные стороны, бегали по кругу и прыгали на месте. Затем, когда вокалист в белой обтягивающей водолазке весьма субтильного телосложения сделал раздвигающий жест руками, толпа разделялась на две половины, готовясь сойтись в яростном угаре. Несколько секунд – и они уже неслись и врезались друг в друга. Помню, я впервые попал в слэм за пару лет до этого, даже не подозревая, что это такое. Оказавшись как раз посреди зала в момент когда толпа разделилась, я каким-то образом этого не заметил. В результате у меня оказался разбит нос, и появились многочисленные синяки по

всему телу. Но сам процесс, позволявший почувствовать себя частицей, принимающей участие в броуновском движении, мне понравился.

– Сорри, я тут стояла, – меня слегка похлопали по плечу. Я обернулся.

Передо мной находилась девушка лет двадцати с челкой, практически полностью закрывающей густо покрашенные глаза, и тройным пирсингом под нижней губой. На голове ободок с черепами, сзади волосы взъерошены и зафиксированы лаком. Одета она была в полосатую черно-голубую водолазку, узкие джинсы с проклепанным ремнем и скейтерские кеды «DC». В руках – пластиковый стакан с должно быть тем же «Невским».

– Не, ну если хочешь, стой. Только подвинься немного, – сказала она и, не дожидаясь ответа, пристроилась рядом, вплотную ко мне.

– Да ладно, че там. Стояла так стояла, подвинусь, – я попытался немного отойти в сторону, но ничего не вышло – сзади уже было очень плотно.

– Один тут? – она поинтересовалась как бы между прочим, смотря при этом на сцену.

– Не, с друзьями, они в слэме, мне в лом.

Моя собеседница повернулась, оценивающе взглянула на меня и стала снова наблюдать за музыкантами. После некоторой паузы спросила:

– А вписка есть? Домой идти неохота.

Я замешкал.

– Возможно, сам пока не знаю.

– В общем, я – Натка, – говоря это, моя новая знакомая все так же неотрывно следила за происходящим внизу. Или просто стеснялась. Я представился.

Все время до конца концерта мы практически не разговаривали. Просто стояли и молча смотрели на сцену. Она иногда делала пару мелких глотков. Должно быть, к окончанию вечера ее пиво (которого оставалось достаточно много) было уже не то что не холодным, но едва не закипало. Так там было жарко.

По моим субъективным ощущениям, тогда большинство клубов еще не умело правильно организовать вывод большого количества людей с подобных мероприятий. Вследствие этого образовывались гигантские очереди в гардероб, и время, прошедшее с момента завершения последней песни до непосредственного выхода из заведения, могло спокойно составить порядка пары часов. Позже, лет через пять, то ли организаторы уже имели достаточный опыт, то ли намного меньше людей ходило на такие концерты, так или иначе – проблема была каким-то образом решена и не раздражала. В этот раз все было как обычно – из зала выпускали небольшими группами, человек по двадцать. Толпа негодовала и скандировала нецензурные кричалки в адрес охраны.

Отстояв примерно полчаса и получив одежду, мы с Наткой, так почти ни о чем и не разговаривая, вышли на улицу. Я сразу заметил Антона и других ребят из компании.

– Чувааааааааааак, че так долго? Заждались! Мы едем на вписку! Ну, идем, точнее. Прикинь, чел живет тут рядом совсем, прям в центре, на Якиманке! Девушка с тобой? – Антон был навеселе.

– Да, это Натка, идет с нами.

– Кул. Ну что, двинем? – мой друг обратился к компании позади себя и медленно пошел в сторону центра. Мы направились за ним.

Натка оказалась на удивление необщительной, что очень контрастировало с самим фактом знакомства, инициированного ею. На все вопросы отвечала односложно и с неохотой.

– А ты далеко живешь что ли? Ехать долго или как? – я вспомнил начало нашего общения и ее предлог для того, чтобы пойти с нами.

– Неа, не очень. Просто хочу тусить.

Как она собиралась «тусить» с безэмоциональным лицом и практически в полном молчании, для меня оставалось непонятным. Странно было и то, что она вообще пошла на вписку с незнакомой компанией.

До дома мы добрались довольно быстро, минут за десять. Это оказалась элитная охраняемая новостройка. Нас задержал дежурящий на вахте сотрудник ЧОПа. Он резко выскочил из своей небольшой будки и подбежал к нам.

– Нормально-нормально все, Миш, это ко мне, – объявился, наконец, хозяин квартиры – один из наших друзей по Пушки. Он был чуть старше меня, окончил институт, но не работал. Мы все удивлялись, как он при этом может безбедно и беззаботно существовать. Теперь ответ был очевиден.

– О, привет, Саш! А папа знает, что гостей ведешь? Да так много! Вас же человек десять! Николай Александрович просил следить за квартирой внимательно, пока он в командировке, – молодой охранник явно испытал облегчение, увидев знакомое лицо. А я был рад вспомнить имя нашего обеспеченного приятеля. Точно, Саша. Или Филин, как его называли на Пушки.

– Да нормально, говорю же! Знает, конечно! Да тут отличные чуваки! Всем можно доверять, гарантирую, – сказал Саша, показательно положив руку на сердце.

ЧОПовец постоял в раздумье еще несколько секунд и отступил в сторону. Мы прошли в подъезд и поднялись в квартиру.

Поначалу все расположились в самой большой комнате, оформленной в стиле французского классицизма, с диванами дизайна 18 века и какими-то помпезными мраморными статуэтками. Хозяин квартиры принес картонную коробку из-под принтера HP, которая оказалась наполненной алкогольными напитками. Там было несколько банок химических коктейлей ядовитого цвета и пара больших пластиковых бутылок пива «Арсенальное» по 2,5 литра.

– Че-то ассортимент не под стать заведению, – высказал свое негодование один из парней с Пушки. У него были ярко-зеленые дреды и руки почти полностью в татуировках. Он достал пиво и раздосадованным голосом добавил, – эту шнягу и так каждый день тянем. Я думал, тут у тебя че-нить типа Хеннеси, ну или типа того.

– Грин, не налей, – Филин сказал это спокойно и нисколько не обиделся, – какой тебе Хеннеси, если ты Хайнекен от Арсенального отличишь с трудом.

Грин ничего не ответил, задумался о чем-то на секунду, а потом достал из рюкзака стопку одноразовых стаканчиков и взял себе один под пиво. Мы с Наткой расположились на диване. Она держала в руках банку «Ягуара».

– Как ты можешь пить *это*?

Ответ последовал после небольшой паузы, как всегда:

– Да ладно, нормальный коктейль. Вкус немного резкий, а так ничего.

– Я бы не назвал это коктейлем, скорее помесь химикатов.

Натка промолчала и отпила из банки. Я попросил у Грина стаканчик и налил себе пусть дешевого, но все же более натурального, как я себя убеждал, пенного напитка. Народ разбился на группки по два-три человека. Кто-то обсуждал сегодняшний концерт, сетуя на большое количество школьников, Антон с подругой (видимо, познакомились там же этим вечером) стояли у окна с алюминиевыми банками в руках и неспешно беседовали. Одна девушка (вроде бы Лена, тоже с Пушки) открыла стоящий на журнальном столике ноутбук и показывала своему другу свежий клип от «My Chemical Romance». Ему, похоже, нравилось.

– Я вот чего не понимаю, – начала вдруг Натка, – ты знаешь всех этих ребят?

– Ну, почти всех, да. Кроме девушки рядом с Антоном и вон того парня в футболке «Korn».

– А этот ваш Филин, как вы его называете, не знаком как минимум со мной.

– Получается так, – я не совсем понимал, куда она клонит, – это ты к тому, что все разбились на группы и не общаются вместе?

– Да не, я вообще о другом. Не стремно вот так вот совсем незнакомых людей к себе на вписку брать? Тем более в такие дома...

– А, ты об этом. Хм... Думаю, ничего страшного произойти не может. Это, наверно, какое-то природное доверие к людям со схожими интересами. Мы же все из одной тусовки.

– Ну это да, но... вот мне бы, например, очень стремно было, если б тут жила, – Натка стала чуть более разговорчивой. – Вынести же могут что угодно только так. И не заметишь.

– Я думаю, Филину все равно. Ну, не то чтобы прям совсем пофиг, но мало волнует. Для его отца это все мелочи жизни. Мне так кажется. Он какой-то депутат или чиновник, не знаю точно. Кто-то говорил мне об этом, я тогда не поверил, но теперь сам все вижу. Даже если всю квартиру вынесут – купит новую еще лучше.

– А сам Филин работает где-то?

– Неа, насколько я знаю, пару лет назад он окончил универ. Каждый день тусит на Пушки.

– А ты?

– Я учусь. Тоже заглядываю на площадь иногда. Ты там не бываешь?

Она сделала еще глоток из банки и молча помотала головой. Антон включил телевизор – большую плазму габаритами в полстены, быстро сканируя каналы, нашел А-One, «первый альтернативный», как они тогда себя позиционировали, и прибавил громкость. «Green Day» играли «Boulevard of broken dreams», Антон с новой подругой громко подпевали, не совсем попадая в ноты, а Филин пытался подобрать мелодию на акустической гитаре, попутно рассуждая о том, как он хотел бы стать владельцем музыкального клуба и тусоваться с рокерами. Несколько человек смотрели что-то на ноутбуке, а парень с девушкой, сидевшие у компьютера ранее, уединились в одной из спален. Вписка проходила вполне спокойно, учитывая рассказы Антона о различных «тусях на хате», где ему доводилось бывать: где-то из-за жалоб соседей дважды приезжала милиция, кому-то буквально разгромили всю квартиру, еще пару раз была большая драка. Вспомнив об этих случаях, я подумал, что риски вписывающего действительно не столь малы, даже несмотря на то, что все вроде бы из одной тусовки.

– О чем я тебе и говорю, – голос Натки прозвучал как будто издалека. Я, кажется, потерял нить разговора.

– Прости, о чем говоришь? Я отвлекся.

– Что риски не столь малы, – она, как ни в чем не бывало, повторила ход моих мыслей. Я немного опешил.

– Только что об этом думал. Точь-в-точь как ты сказала...

– А, ну со мной так бывает. Частенько. Особенно под алкоголем, – в этот момент Натка прикончила свой «ягуар» и сжала банку.

– Читаешь мысли? – я слегка ухмыльнулся.

– Да не совсем, просто как-то чувствую их в воздухе что ли... трудно объяснить.

– Ну и о чем я сейчас думаю? – я очень серьезно посмотрел на неё и представил в уме затопляемую Атлантиду.

– Не, не так просто. Целенаправленно я это делать не могу, так только в фильмах. Я же говорю, чувствую. Ну, как ветер, например. Ощущаю дыхание ветра и говорю: дует теплый восточный ветер. Типа того.

– От меня сейчас вообще ничего?

– Что-то с водой.

– Впечатляет.

Мы замолчали. Я был в замешательстве. Я, сколько себя помню, всегда допускал существование того, что некоторые называют шестым чувством, другие интуицией, третьи экстрасенсорными способностями. Но в жизни столкнулся с этим впервые. Не то чтобы я был шокирован, скорее, просто удивлен и не знал, как реагировать. Примерно как встретить Пенелопу Крус в супермаркете: ты знаешь, что есть такой человек, но он живет где-то в параллельной

вселенной, и вот пересекаешься с ним в своей повседневной жизни. Очень странное ощущение.

– И давно это с тобой?

– Неа, совсем недавно. Да ты не парься так по этому поводу, не знаю я, чё там у тебя в голове. Просто иногда такие приходы бывают.

– Что-нибудь еще можешь сказать?

– Сейчас здесь все хорошо, негатива не чувствую. А вон оттуда вполне определенные волны исходят, – Натка указала в направлении комнаты, куда ушла парочка.

– Тут не надо быть экстрасенсом.

Она улыбнулась уголками губ.

Туса медленно подходила к концу. Алкоголь закончился, а идти в магазин никто не захотел. Многие уже откровенно клевали носами, пялясь в экран телевизора. Все действительно прошло очень спокойно, если не сказать скучно. Я посмотрел на часы, они показывали четыре часа утра.

– Ладно, наверное, надо поспать, – я обратился к Натке, но с удивлением обнаружил, что она уже спала. Сидя, наклонив голову вперед и скрестив руки на груди. Я встал, положил ее по всей длине дивана и пошел искать место для ночлега. В одной из комнат оказался не занятым еще один довольно широкий диван.

Пока сон не накрыл меня, в голову непрерывным потоком лезли мысли. В основном об этой странной девушке. «А она, в принципе, ничего такая. Надо завтра взять телефон или аську», – последнее, что помню, перед тем, как уснул.

Утро пришло очень быстро. На полу возле дивана я обнаружил записку с моим именем, содержащую всего одну строку:

«Неплохой вечер. Еще увидимся. Н.».

Я прошел на кухню, по пути заглянув в большую комнату. Как и ожидалось, Натки уже не было, как и еще пары человек. Видимо, она из тех, кто не может долго спать в незнакомом месте. Я жалел, что не спросил контактов для связи, но не сильно: её «ещё увидимся» читалось не как простая формальность. Скорее это было похоже на констатацию факта, которому не было причин не верить. Я сделал себе эспрессо в кофемашине и не спеша выпил мелкими глотками. Потом накинул куртку, растолкал хозяина квартиры, сказав, что ухожу, и покинул вписку.

Филин позвонил мне через пару дней. Судя по голосу, очень волновался.

– Привет. Чё за девка тогда с тобой была? Давно ее знаешь?

– Привет. Да нет, на концерте познакомились, а че такое, случилось что?

На том конце провода воцарилось полуминутное молчание. Как будто он в это время думал, продолжать ли разговор или положить трубку. Затем все-таки продолжил:

– Кто-то вынес двести тысяч евро.

Тут уже настала моя очередь молчать. Натка? Да нет, с очень большим трудом можно было это представить.

– Уверен, что именно в тот вечер деньги пропали? Это же чемодан целый, заметили бы по-любому...

– Да какой нахер чемодан! – Филин был очень взвинчен, – там четыре небольшие пачки из пятисоток, в карман куртки легко влезут!

– Ну, я не знаю, чувак. Я не брал, если ты это от меня услышать хотел. А где они вообще хранились, если кто-то просто взял и вынес?

– Да в том-то и дело, что в надежном месте! Еще сейф не успели поставить, поэтому просто в тайнике, о котором никто не знал. И... – он прерывался, очевидно, решив, что и так сказал достаточно. – В общем, ладно. Девку ты не знаешь, значит, и контактов нет?

– Никаких.

– Всё, давай пока, – последовал сигнал завершения вызова. Насколько я знаю, Филин так и не выяснил, куда пропали двести тысяч евро. А его отец был так разозлен, что уже весной лично привез сына в военкомат и попросил отправить нерадивого отпрыска на службу куда-нибудь подальше. Помню, вся наша компания с Пушки была в шоке, узнав и о деньгах, и о реакции отца. Нам думалось, что двести тысяч евро – сумма даже для чиновника немалая, но отправки Филина в армию в качестве наказания уж точно не ожидал никто. Может быть, за ним были еще какие-то косяки, а может, отцу просто надоел такой образ жизни сына, и та вписка стала последней каплей. Так или иначе, можно сказать, что тот, кто тогда вынес из квартиры Филина деньги, поставил точку в его прежней жизни. По возвращении со службы Филин приходил на Пушки еще раз или два, а потом устроился на работу, и больше я его никогда не видел.

3. В общежитии

Опубликовано: на этой неделе

Израем: Lostprophets «Can't Catch Tomorrow»

Я учился на третьем курсе технического вуза. Мы тогда как раз отметили «экватор» – ровно половину срока обучения. Позади остались первые сессии и волнения о том, что тебя, может быть, исключат. Впереди, через пару лет маячили госэкзамены и диплом. Это было самое беззаботное время во всем студенчестве. Я жил в университетском общежитии или общежитии, как все его называли, в комнате с парнем на год старше меня. Общались мы нечасто – он жил у девушки и заезжал примерно раз в месяц, выпить пива и узнать свежие новости.

Моя комната представляла собой квадратное помещение размером 3,5 на 3,5 метра. Прямо напротив входа было окно по длине всей стены, справа – двухъярусная кровать, по левую сторону – холодильник и два стола – компьютерный и обеденный. Рядом с дверью располагались шкаф с одеждой и полка для обуви. Также пара полок со всяким барахлом (в основном, по учебе) висела над столами.

В ту зиму я обвесил все стены афишами концертов, на которых побывал. У многих тогда был такой фетиш – собирать плакаты групп, расклеенные по остановкам и прочим общественным местам. Сдирали их прямо на улице голыми руками и, свернув в трубочку, довольные несли домой. Часто можно было увидеть оторванные наполовину афиши – результат неаккуратных действий сдирающего. Иногда по утрам по пути в университет я встречал расклейщика плакатов, намазывающего липкой вязкой жидкостью стены. Он легко сговаривался отдать «свежее» полотно за символическую цену в пятьдесят рублей. Вся эта собственноручно (буквально) собранная красота безвозвратно исчезла после пятого курса, когда мой прежний сосед окончил университет, а вместо него подселили зеленого первокурсника. Этот вчерашний школьник проявлял очень большую «хозяйственность» с первых дней. Он предложил сделать ремонт и сменить обои. Я не возражал, так как пару лет спустя все эти афиши уже не представлялись мне особенно ценными. Так они и отправились в мусорное ведро, свернутые в трубочку. Но все это было позже, а зимой 2007-го я продолжал украшать стены большими картинками с названиями и фотографиями групп.

Периодически у меня собирались друзья, чаще всего по пятницам или субботам, но нередко и в середине недели. Официально в общежитии нельзя было проносить алкоголь, из-за чего студенты, проходя мимо охраны на входе с полным рюкзаком стеклянных бутылок, делали каждый шаг крайне осторожно. Тех, кто попадался, в лучшем случае просто не пускали внутрь, в худшем – конфисковывали весь алкоголь. Что с конфискатом было в дальнейшем, история умалчивает. Только довольные лица охранников давали повод для различных версий. Тусовка (с распитием спиртного) в комнате чередовалась с толкотней в курилке, располагавшейся на пяточке около лестницы, связывающей этажи. Я жил на предпоследнем, шестом, в самом конце коридора. Курения как привычки у меня не было, но постоять за компанию с дымящими мне нравилось.

Большинство из моих друзей-москвичей не понимали удовольствия от общажной жизни, которое испытывал я. Да, им казалось прикольно приехать на ночь в общежитие и кутить до утра, но – всего на одну ночь. Жить, когда буквально в каждый момент времени вокруг тебя какие-то люди, представлялось им выше их сил. Я же привык к тому, что в комнате всегда было движение: кто-то заходил, чтобы списать лекции, кто-то играл на компьютере, громко слушая музыку, еще кто-то в то же самое время мог лежать на кровати и спокойно читать книгу. Конечно, порой хотелось какого-то уединения. Достигнуть этого при желании было несложно:

надо было всего-то закрыть дверь на ключ и не отвечать на стук, чтобы снаружи думали, что в комнате никого нет. Я так втянулся в эту динамично меняющуюся обстановку, что, съехав на отдельную съемную квартиру после окончания университета, очень долго привыкал к тишине и покою. Мне казалось, что мир вокруг остановился. Но, как уже было сказано, тогда до этого было еще далеко, и я наслаждался каждым моментом нахождения в общежитии.

Чем же именно меня привлекала такая жизнь? Я и сейчас с трудом могу подобрать нужные слова для ответа на этот вопрос. Наверное, какая-то едва ощутимая, эфемерная эмоциональная атмосфера, создаваемая студентами. Молодые люди, по большей части легко воспринимающие окружающую действительность и еще не столкнувшиеся с серьезными жизненными трудностями, самой большой проблемой которых были незакрытые «хвосты» в университете, генерировали сверхлегкий эмоциональный фон. И я его очень тонко чувствовал.

В период зимней сессии в общежитии становилось тише. Но не слишком – студенты не забывали отмечать практически каждый сданный экзамен шумной вечеринкой. А вот во время двухнедельных каникул в начале февраля народ разъезжался по домам, и в коридорах действительно не было слышно праздного гула. Можно было насладиться воцарившимся ненадолго спокойствием.

Мне, однако, застать общежитие в анабиозном состоянии удавалось нечасто – после закрытия очередной экзаменационной сессии я тоже обычно ездил домой. Родным городом для меня являлся крупный промышленный и культурный центр в четырехстах километрах от столицы. Трудно сказать, почему я выбрал учебу в Москве, из моих одноклассников больше никто не поехал получать высшее образование в другой город. В итоге я ни разу не пожалел, это был бесценный, а главное – очень позитивный опыт. Домой я приезжал на неделю, встречался с друзьями, гулял по улицам своего детства и снова отправлялся в столицу. Той зимой все было точно так же, как и всегда. Начинался новый семестр, нужно было походить на лекции, чтобы узнать, какие из них можно пропускать, а какие не стоит. Собственно, все мои обязанности на тот момент сводились к учебе. Я не работал, если не считать временных подработок с почасовой оплатой и один не совсем легальный бизнес, о котором расскажу позже. Мой распорядок дня в тот период мало варьировался в зависимости от будней или выходных, и если бы меня тогда попросили примерно его описать, я бы выдал что-то вроде этого:

– Проснулся, поехал в универ, отучился, двинул на Пушкинскую, потусил там до вечера, вернулся в общежитие.

Хотя, по выходным он все-таки немного отличался: Пушкинская обычно занимала весь день.

4. На Пушке

Опубликовано: февраль 2007

Отредактировано: на этой неделе

Играет: Panic! At The Disco «I Write Sins Not Tragedies»

«Тусовка на Пушке» – один из видов бестолкового молодежного досуга, которым я был занят тогда большую часть своего свободного времени. В центре столицы, на Пушкинской площади собирались представители различных молодежных субкультур (наиболее популярной и многочисленной в то время были «Эмо»), общались, пили пиво и коктейли из банок, обменивались впечатлениями от концертов. Сочетание ярких и мрачных цветов в одежде, косые челки, цилиндрические серьги (тоннели) в ушах, обильный макияж (в отдельных случаях и у парней), много пирсинга – такой была Пушка тогда. Я не относил себя к этим ребятам, хотя слушал кое-что из соответствующей музыки. В тусовку меня привела бывшая девушка, она старалась по всем канонам соответствовать стилю. Я же не красил глаза, не прокалывал ни губы, ни уши, не носил черно-розовых свитеров. В моей одежде была всего пара-тройка неформальных элементов – скейтерские кеды и зауженные джинсы. Мне просто нравилось там находиться. Нравилось настолько, что после того, как мы с ней расстались, я стал даже чаще ходить на площадь, чем раньше. Однажды совершенно случайно я встретил там своего одноклассника Антона, с которым до этого не общался. С тех пор мы стали хорошими друзьями и частенько тусили вместе.

На Пушке собирались не только эмо. Были там и панки, и металлисты, и рэперы. Настрой друг к другу оставался у всех позитивно-нейтральным, и представители совсем разных молодежных течений мирно сосуществовали под задумчивым взглядом Александра Сергеевича. Но были и те, кто не отличался особой толерантностью. Периодически на площадь заглядывали то ли футбольные фанаты, то ли скинхеды, а может, просто парни-любители подраться. Большинство «эмобоев», будучи весьма субтильного телосложения, предпочитали избегать силового конфликта путем бегства. Поэтому, как только на Пушке слышались обрывки фраз в духе «сейчас скины накрывать будут», место тусовки вмиг пустело.

Зимой тусоваться на площади, конечно, было куда менее интересно и приятно, чем в теплое время года, но мы как-то справлялись. В один из февральских дней, где-то через месяц после вписки у Филина, я, как обычно, общался с ребятами в сквере позади памятника поэту. Антон, видимо, проголодавшись, предложил сходить в «Макдональдс» и взять по бургеру. Я легко согласился, так как сам обедал достаточно давно, еще в университете. По возвращении мы обнаружили пустую от субкультурщиков площадь. Оглядевшись вокруг в поисках скинхедов, и, решив, что все они, если и были здесь, то уже ушли, погнав неформалов, мы присели на лавку и принялись за фаст-фуд. Спустя пару минут буквально из ниоткуда перед нами возникло пять крупных фигур с бритыми головами. Один из них, самый маленький, «мелкий», если можно так сказать, резко выбил бигмак из рук Антона и зло буркнул сквозь зубы:

– Хватит дерьмо всякое жрать. Че здесь делаете? Кто такие?

Благо за неделю до этого Антон постригся достаточно коротко, а я никогда не носил длинных волос, иначе вместо «приветственных» вопросов можно было сразу получить серию ударов. Я отложил в сторону картошку фри и сказал:

– Ниче, просто сидим.

Начавший разговор повернулся ко мне:

– Чё за шмотье на вас? На скейте катаетесь? – он небрежно пнул по моим кедам металлическим носком своего армейского ботинка. И, не дождавшись ответа, добавил, – с этими пидорами крашеными еще, наверно, общаетесь?

– Не, – Антон сделал паузу и как бы невзначай провел рукой по голове, намекая на стрижку, – мы чё, похожи на них? Говорю же, просто сидим. На доске, да, катаем иногда.

Говоривший с нами не нашел, что еще сказать и повернулся к друзьям. Те тоже молчали. У «мелкого» был холодный волчий взгляд. Спустя полминуты раздумий он продолжил таким тоном, словно делал нам одолжение:

– Ладно, давайте сюда мобилы и валите нахер.

Вдруг из-за их широких спин послышался знакомый женский голос:

– Привет, – это была Натка.

«Мелкий» резко обернулся и оценивающе оглядел ее с головы до ног. Она стояла, как ни в чем не бывало, и курила тонкую сигарету, смотря поочередно то на меня, то на Антона, то на наших собеседников. В этот раз одета она была более сдержано, но принадлежность к субкультуре все равно угадывалась по прическе и клетчатому платку-арафатке на шее. Мы молчали, я вопросительно поднял брови. Бритый, наконец, заговорил омерзительно любезным тоном:

– Ну, привет, принцесса. К друзьям пришла? – он мотнул головой в нашу сторону.

– Неа, этих не знаю, – Натка отвечала уже знакомым мне отрешенным тоном. – Просто интересно стало, о чем болтаете.

– Да ну? Ладно, идем с нами, расскажу тебе еще много интересного наедине.

– Не, – Натка сделала паузу и выпустила тонкую струйку дыма, – с бритыми не общаюсь. Вы идите, я останусь.

– А говоришь, не знаешь их. Чё врешь-то, сучка?

По лицам было заметно, что все вокруг почувствовали: ситуация накаляется. Скины стояли, насупившись, чуть позади своего лидера. Тот, это было видно по напряженной позе, едва сдерживался от желания ударить девушку в следующую секунду. Я, насколько бы мне ни претила сама мысль драться с группой здоровых качков, готовился именно к этому. Антон нервно переводил взгляд по сторонам. Натка внимательно смотрела в глаза оппоненту. Очень спокойно и не моргая.

– Да, баллончик достать успею, – она прервала молчание, – а травмата у меня нет.

«Мелкий» ничего не ответил, но во взгляде его возникло непонимание. Натка все так же неотрывно смотрела в глаза. Потом продолжила:

– Неа, связей тоже нету. Знаю, ты сейчас не можешь решить – сильно или нет меня ударить. Тебя в детстве не учили, что бить девушек плохо?

«Мелкий» в недоумении уставился на Натку. Тут подал голос один из его компаньонов:

– Фриц, идем. Эту я знаю, у нас матери знакомы.

Девушка повернулась к говорившему и улыбнулась:

– Никита, привет! Сразу и не узнала. На каток пойдешь вечером?

Парень ничего не сказал, только отвел хмурый взгляд. «Мелкий» еще раз злобно оглянулся на нас, постоял в раздумьях несколько секунд и, молча, убрав руки в карманы, пошел в сторону метро. Друзья двинулись за ним.

Антон заговорил первым:

– Привет! Это что за херня щас была? Ты о чём вообще с ним терла? Извини, я просто немного в шоке от этой сцены.

Натка взяла с лавки пакетики с картошкой фри и съела пару ломтиков.

– Вы все слышали, вроде.

Антон не унимался:

– Да, только не поняли нифига! – он повернулся ко мне. – Ты понял, что случилось?

Я никому не говорил о странных способностях Натки, решив и дальше не распространяться на эту тему.

– Да ничего особенного, повезло нам, что ребята знакомы оказались, – я сказал это как можно более пренебрежительно.

Антон вдруг быстро глянул на часы и поспешил попрощаться:

– Так, ладно, электричка у меня. Всё, пока. Спасибо, что выручила. Увидимся!

Девушка в ответ пожала плечами:

– Вполне вероятно. Пока.

Антон протянул мне руку и побежал к метро, предварительно убедившись, что наши недавние собеседники удалились. Мы остались одни. Я прервал тишину:

– А говорила, здесь не бываешь.

– Да так и есть, не захожу сюда. Сегодня просто была в книжном рядом, решила до Пушкин пройтись. А тут вас увидела. Так получилось.

Натка вроде бы была рада встрече. Она улыбалась уголками глаз, хотя в целом лицо оставалось нейтральным. Как Мона Лиза.

– Ну, как дела у тебя? – спросила она. – Что нового? Еще собирались у Филина?

– Да все в порядке, спасибо. Новый семестр вот начался, пока проблем нет. Кстати о Филине! – я вспомнил о пропавших деньгах. – У него после той вписки пропало двести тысяч евро. Ты не знаешь, кто мог взять?

Она смотрела мне в глаза.

– Нет, это была не я. Твой вопрос ведь именно в этом. Завуалировал хорошо. Я, по моему, похожа на тех, кто чужие хаты обносит? – Натка как-то очень внезапно разозлилась.

– Да не, ты что, – я попытался сгладить ситуацию и увести мысль в другую сторону, – я думал, возможно, ты можешь узнать... Ну, там, знаешь, с помощью своих способностей...

Это, похоже, рассердило ее еще больше. В голосе проступало явное раздражение:

– Слушай, вот об этом так вообще не говори. Никогда. Ясно? Я тебе не ищейка! Ни пропавшее бабло, ни пропавших людей найти не могу!

– Да ладно тебе. Извини, просто я подумал...

– Я, блин, доверилась тебе, рассказала! Потому что почувствовала, что ты не тот человек, который станет на этом внимание заострять. По крайней мере, не так, как другие. Ошиблась, видать!

Мне стало неловко. Виноватым в чем-либо я себя не считал. Сама ситуация была какой-то глупой – ссора возникла на пустом месте.

– Чего ты так взъелась то? У тебя что, ПМС?

Тогда я еще не знал, что девушкам, ни при каких обстоятельствах не стоит говорить подобное. Только если не хочешь поругаться еще сильнее. Натка швырнула в меня пакетик с остывшей картошкой фри, демонстративно отряхнула руки и, развернувшись на 180 градусов, ушла прочь.

Я смахнул с куртки несколько мелких крошек. Голуби и воробьи у меня под ногами спешно клевали внезапно возникшую пищу, вероятно, опасаясь, что исчезнет она так же быстро, как появилась. Я не пытался остановить Натку, все равно общения бы уже не получилось. Я сделал для себя вывод, что тему ее особенного восприятия не стоит лишний раз педантизировать – очень нервно она на это реагировала. Мы расстались, не попрощавшись, как и в прошлый раз. И хотя сейчас уже не было записки со словами «ещё увидимся», я снова был практически в этом уверен.

5. Бизнес

Опубликовано: на этой неделе

Играет: Fall Out Boy «Fame < Infamy»

В университете я учился на стипендию. Обычную, не повышенную – не хватало усердия и старания в образовательном процессе. Составляла она тогда что-то порядка 1200–1500 рублей. Какие-то деньги (около восьми тысяч) передавали родители. Но, как и любому студенту, средств мне постоянно не хватало. Нет, в принципе, в то время в Москве одному вполне неплохо можно было прожить на десять тысяч, с чем я успешно справлялся года полтора. Потом появилась более-менее постоянная девушка, а с ней тусовки, концерты, клубы, Пушка... Деньги стали стремительно таять, появилась нужда зарабатывать.

Я работал промоутером (иначе говоря, раздавал рекламные листовки около метро), консультантом по новым видеокамерам JVC, читал лекции школьникам о правильном бритье с помощью станков от Gillete, разгружал фуры на складе, собирал компьютеры. Словом, брался практически за любой временный заработок, не требующий больших усилий (кроме разгрузки фур, там я погорячился). Каждый месяц появлялась новая подработка. Устраиваться куда-то на постоянной основе, пусть и с относительно свободным графиком, например, в тот же Макдональдс, где какое-то время работал Антон, не хотелось из-за угнетающего чувства обременения. То ли дело – постоял с флаерами четыре часа, забрал свои две тысячи и свободен.

Так продолжалось примерно с полгода. Пока Антон, устав продавать фаст-фуд, не рассказал мне о своей идее. Родилась она в тот момент, когда мой друг, купив билет на какой-то концерт, обратил внимание, что практически никаких средств защиты на нем нет. Приблизительно за пару месяцев Антон вывел технологию изготовления фальшивок и посвятил в нее меня. Теперь мы работали в паре, и нам предстояло отточить техпроцесс.

Мы покупали один настоящий билет (обычно в танцпол, без указания места, чтобы было удобнее и быстрее штамповать копии). Затем сканировали его на хорошем дорогом оборудовании в фотолаборатории, где работал один из наших общих знакомых, потом обрабатывали изображение на компьютере, подгоняя цвета и все прочее. Тогда, в середине – конце двухтысячных, для проверки билетов еще не использовались высокотехнологичные сканеры и считыватели штрих-кодов, а контролеры очень редко смотрели сквозь бумагу на свет, чтобы удостовериться в наличии водяных знаков и подлинности пропуска на мероприятие. Единственной загвоздкой могло стать определение фальшивки на ощупь. Бумага, на которой осуществляется печать в агентствах – не простая. Она плотнее обычной офисной, и ее никогда не найти в магазинах. Однако мы, методом проб и ошибок, справились и с этой преградой на нашем пути, причем, скорее даже не из жажды наживы – нам просто было интересно – сможем ли? Выход был найден достаточно быстро: мы покупали матовую двустороннюю фотобумагу плотностью чуть выше обыкновенной, замачивали ее в воде на несколько секунд, проглаживали утюгом – для того, чтобы устранить «волнистость» и, когда листы высыхали, просто печатали на них изображения с двух сторон. Подделки, изготавливаемые нами, были практически неотличимы от оригинала. Если бы не водяные знаки.

К концу зимы 2007-го мы «обработали» около шести концертов, и в те пару раз, когда обман раскрывался, дело было именно в пресловутом просмотре «на свет». Людей, у которых обнаруживали самопал, обычно спрашивали, откуда они взяли билеты. Те, изображая максимальное изумление, отвечали заученной с нашей подачи фразой: «Как? Это фальшивка?! Да быть не может! Вот только что около клуба купили у какого-то мужика, не знаю, кто такой... Вот, сука, левак впарил!». Такая эмоциональность убеждала персонал клуба в абсолютной

невинности задержанных, и их просто отпускали, предупреждая впредь покупать не у посторонних лиц, а только в агентствах или кассе клуба. Изредка просили заплатить штраф, равный цене билета. У нас же была предусмотрена «страховка» от непопадания на концерт: если человека не пускали, мы возвращали ему деньги. Так или иначе, наш доход в разы превышал производственные и прочие расходы. Покупателей было много, так как фальшивки мы продавали по цене вдвое меньшей, чем у оригиналов.

Не остались без внимания с нашей стороны и меры предосторожности – все-таки подделка документов всегда была и остается уголовно наказуемым преступлением. Количество изготавливаемых нами билетов обычно не превышало 50–60 штук, что при средней посещаемости клубного концерта иностранной знаменитости в 3–4 тысячи человек, было вполне разумно, и риск обнаружения не столь велик. В качестве дополнительной страховки мы существенно ограничили круг лиц, которым передавали фальшивки лично. Это были 5–6 человек, которым мы доверяли на сто процентов, наши друзья и хорошие знакомые, а они, в свою очередь, выступали в роли посредников, распространяя несколько штук по своим самым надежным людям. Таким образом, всего несколько человек знали о том, чем мы занимались.

Бывали случаи, когда нам не удавалось реализовать всю партию, и оставалось несколько штук. Тогда я брал на себя функции, если можно так сказать, «спекулянта» и продавал по двойной цене прямо на месте – спрос высок, да и люди, покупающие билет прямо перед выступлением, обычно не отличаются разборчивостью.

Забегая вперед, стоит сказать, что этот бизнес, как и любая незаконная деятельность, позже потерпел крах, а мы только чудом избежали наказания. До этого, однако, оставалось еще полгода, 4 или 5 концертов и как минимум одно очень необычное знакомство.

6. Международные отношения

Опубликовано: март 2007

Отредактировано: на этой неделе

Играет: Muse «Exo-Politics»

Зима 2007-го в Москве затянулась надолго. Тогда, в начале марта, никто не знал, что прихода тепла придется ждать еще около пяти недель, и потому крепчавший мороз вызывал раздражение, смешанное с недоумением.

Я уже около часа стоял на улице неподалеку от входа в клуб. Темнело, шел снег. От дверей метров на двести тянулась очередь. Контингент был весьма разношерстным: присутствовали и субкультурщики, многие из которых были мне зрительно знакомы по Пушки, и гламурные блондинки со своими пафосными бой-френдами, и даже вполне взрослые зрелые люди «за сорок». Такая пестрая публика не была чем-то шокирующим – все-таки, выступавшая вечером группа (это были «Nine Inch Nails») – одна из самых популярных в мире и давно уже переросла период «широкой известности в узких кругах».

Мне уже давно можно было спокойно отправляться домой – я пришел не на концерт – но хотелось подзаработать еще немного денег, продав парочку-другую наших самопальных билетов.

Решив, наконец, плюнуть на все – было слишком холодно, – и пойти по направлению к метро, я вдруг заметил одиноко стоящую девушку, в нерешительности не подходившую к кассам, но в любой момент готовую это сделать. «Надо брать ситуацию в свои руки», – мысли, в тот момент сами собой возникшие при беглом взгляде на нее. Ничем особо ни примечательная, она как-то выделялась из этой толпы. Хотя одета была как добрая половина присутствующих – длинная куртка-парка, узкие джинсы, зимние кеды Converse и забавная яркая шапочка. На вид лет двадцать пять. Недолго думая, я осторожно подошел к ней и спросил:

– Девушка, билетик не нужен?

Она вопросительно посмотрела на меня и сказала вполголоса:

– Oh, a ticket?...¹

А потом добавила, уже громче:

– Да, пожалуйста.

Иностранка. Слишком мягко выговаривала слова, хотя почти без акцента. Скорее всего, американка. Что она делала сегодня вечером здесь, в снежной Москве, на концерте группы, которая там у них наверняка выступает очень часто?

Я отдал девушке билет и показал, где кончалась очередь. Уже развернувшись в сторону метро, я услышал, как меня окликнул знакомый голос. Это был Грин, парень с зелеными дредами:

– Эй, здорово! Чё здесь делаешь? Ты ж не любишь этих ребят?

– Привет. Да не то чтобы не люблю... я никогда этого прямо не говорил.

– Зато писал мне как-то в аську. Я тебе скинул последний сингл, ну а ты такой – «не люблю!» – твоя цитата.

– Хм, может, и было такое, не помню, честно. В любом случае, не на выступление пришел, – я не был настроен на долгую болтовню и отвечал сухо.

– А типа нереализованные остались?

– Да, вот, еще немного сбить денег захотелось.

¹ Англ. «Оу, билет?...»

– Понятно. И как успехи? – Грин, похоже, не замечал моего не слишком большого желания общаться.

– Десяток продал. Уходить уже собирался, когда ты меня позвал.

– Ясненько. Слушай, говорят, вас с Тохой от бритых твоя подруга спасла? – по всей видимости, Антон многим рассказал эту историю.

– Че значит «спасла»? Какая «моя подруга»? Я ее не знаю почти и видел два раза. Ладно, чувак, пора мне.

– Хорошо, не буду задерживать. Удачи! Кстати, вон, по-моему, с твоими леваками кого-то взяли, так что валить тебе надо. Счастливо, увидимся!

Действительно, около входа началось какое-то активное движение. Я стал тщательнее присматриваться и заметил знакомую яркую шапочку. Обычно в таких случаях я всегда незамедлительно скрывался из виду, но в этот раз меня что-то держало. Какое-то непонятное чувство – то ли вины, то ли ответственности за сложившуюся ситуацию. Через несколько мгновений меня уже грызла совесть – дело, несомненно, было в том, что она туристка. Я представил себя на ее месте, в чужой стране, будучи пойманным с фальшивкой. Так или иначе, я развернулся и твердым шагом направился ко входу, встретив по пути непонимающий взгляд Грина.

– Извините, а в чем дело? – я, как ни в чем не бывало, подошел к секьюрити, крепко державшему за локоть мою недавнюю собеседницу.

– Тебе че надо? Иди, в очередь вставай! Куда лезешь? Пошел!

На ее лице я заметил полное непонимание ситуации.

– А что вы в девушку вцепились, ей же больно, нет?

– Не твое дело! Щас разбираться будем, откуда девчонка подделку взяла! – охранник одной рукой продолжал держать туристку, а другой отпихнул меня.

– А, так это про билет! Ну, в общем, девушка ни в чем не виновата. Это я его продал.

В этот момент американка крайне удивленно посмотрела на меня. Не менее удивлен был и секьюрити. Подумав пару секунд, он небрежно толкнул девушку в сторону, крикнув:

– Ребят, эту больше не пускайте! – и вцепился уже мне в руку, «приглашая» проследовать внутрь.

Когда мы проходили мимо рамок металлоискателей, мой взгляд вдруг на мгновение зацепился за какую-то деталь. Я точно не понял, что именно уловил периферическим зрением. Как мне показалось, краем глаза я заметил что-то, виденное мной ранее. Или кого-то. Натка?

– Не тормози, – охранник не дал мне слишком долго всматриваться в толпу, энергично толкнув в спину.

Меня завели в небольшую комнатку со стоящим посередине столом – единственной, как мне на первый взгляд показалось, деталью мебели, присутствовавшей в помещении. Мне сразу вспомнились голливудские блокбастеры и сцены в полицейском участке – ситуация была очень похожа, не хватало только зеркала, с другой стороны которого за тобой наблюдают несколько человек. Привыкнув глазами к темноте, я различил еще пару столов с мониторами по углам. За ними сидели самые типичные сотрудники клубной охраны, крупные и в строгих костюмах. Сразу за мной пришел еще один амбал и принес два стула – на один сел сам, на другой показал жестом, предлагая его мне.

– Ну что, давай, рассказывай, – начал он точь-в-точь как в кино и закурил сигарету.

– Что именно? – я изображал человека, который не знает, как он здесь оказался.

– Дурочку не включай. Где билеты взял, кто изготавливает и все прочее.

– Да не знаю, купил около клуба два билета, подруга не пришла, один решил продать. Вот второй, пожалуйста! Наверное, тоже левак! Вот, урод, мужик, это ж надо так народ кидать прямо перед концертом!

– Не п***и! – резко бросил амбал, рассчитывая наверняка вывести меня из психологического равновесия. – Очень неубедительно врешь.

Мне от этой сцены стало еще смешнее из-за еще большей схожести с так хорошо знакомыми кинематографическими эпизодами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.